

Он не успел договорить, как Тань Чжан прикусил его губы с такой скоростью и яростью, будто собирался отхватить кусок мяса. Цзи Цинбай почувствовал во рту вкус крови, и голова у него постепенно закружилась.

— В чём именно я не справляюсь, скажи? — Глаза императора, тёмные, как чернила, отразили покрасневшее лицо Цзи Цинбая. — Я исправлюсь.

Убедившись, что Почтенный Будда более чем способен, Цзи Цинбай наконец успокоился.

Они чинно поужинали, перед сном он выпил лекарство, но после того, как лёг и свет погасили, император так и не сделал следующего шага.

Цзи Цинбай с нетерпением ждал, когда же его призовут к службе в опочивальне, и в темноте долго ворочался без сна. Неужели Тань Чжан даже не возьмёт его за руку?!

— Не дёргайся, — глухо прозвучал голос императора из темноты, мрачный и низкий.

Цзи Цинбай всё ещё не хотел сдаваться и, обвившись вокруг него, спросил:

— Разве Ваше Величество не желает, чтобы я служил в опочивальне?

Тань Чжану пришлось ответить:

— Подожди, пока окрепнешь.

Цзи Цинбай моргнул и, кажется, внезапно понял, почему император не хочет к нему прикасаться. Он рассмеялся, находя это смешным и нелепым:

— Слабая — это Цзи Юй, а я ведь божество.

Император ничего не сказал, но внезапно обхватил Цзи Цинбая за талию и перевернул на себя.

Цзи Цинбай почувствовал, как подбородок императора долго трётся о его макушку. Он поднял голову, и снова его губы были пойманы в поцелуе.

В итоге, конечно же, император всё замёл, и ничего так и не произошло.

На следующее утро Цзи Цинбай проснулся в такой унынии, что готов был биться головой о землю. Тань Чжан, уже переодевшийся в придворное облачение, с кошельком, подаренным прошлым вечером, на поясе, увидев, что тот проснулся, наклонился над ложем.

Цзэн Дэ стоял за ширмой снаружи, сквозь которую смутно угадывались очертания, и даже у этого старого евнуха от стыда покраснело лицо; он не смел торопить.

Цзи Цинбая целовали так, что он едва дышал, щёки его пылали румянцем, узкие, как листья ивы, глаза словно наполнились весенней водой, а алый цвет на внешних уголках глаз окрасил длинные ресницы.

Тань Чжан, насытившись поцелуями, наконец выпрямился, потрепал его по руке и сказал:

— Пей лекарство послушно.

Цзи Цинбай не хотел с ним разговаривать.

Император не рассердился, а лишь долго массировал ему шею, прежде чем отправиться на утренний приём.

Цзи Цинбао нечего было делать, и он мог только наблюдать за служанками, разбирающими свадебные красные приглашения. Чиновник из Министерства ритуалов, прибывший с докладом, был молод и зачитывал названия предметов, многие из которых Цзи Цинбай не знал.

— Генерал Мин ранее подстрелил белого тигра и недавно доставил его во дворец, — сказал чиновник, видя будущую императрицу, естественно, стараясь проявить усердие. — Не желает ли Ваше Величество взглянуть?

Цзи Цинбай на самом деле не слишком интересовался живыми существами, тем более связанными с его истинной сущностью. Он был знаком с белым тигром-божеством Нань Ши в мире бессмертных и, услышав, что это тот же вид, невольно нахмурился:

— Белый тигр — существо духовное. Раз он ещё жив, лучше отпустить его.

Чиновник не смел возражать и поспешно ответил:

— Слушаюсь.

Эта история была для Цзи Цинбая лишь мимолётным замечанием, вскоре забытым.

Теперь император всегда возвращался в Чертог Юйлун на обед. В середине трапезы Тань Чжан заставил Цзи Цинбая вернуть мужской облик. Днём Цзи Цинбай не очень-то хотел менять форму — боялся, что его увидят другие, да и женское платье было неудобно.

Женские наряды эпохи Даюань ценились за простор и элегантность, облегающими были лишь лиф и нижняя рубашка, которые Цзи Цинбай не любил носить, поэтому даже изменив облик, он мог оставаться в своей одежде.

Однако мужчине в юбке всё же было неловко. Цзи Цинбай поправлял подол, стараясь скрыть выпуклость между ног.

Тань Чжану явно нравился этот вид. Он притянул Цзи Цинбая к себе на колени, лаская и тискаая. Цзи Цинбай от этих ласк обмяк, а император, будто ничего и не произошло, оправил ему одежду.

Цзи Цинбай скрипел зубами от досады и, набравшись наглости, вцепился зубами в плечо Тань Чжана.

Тот даже не отстранился, а погладил его по шее, как бы успокаивая, пока тот не разжал зубы.

— Через несколько дней можно будет отправиться на лодочную прогулку, — пробормотал Тань Чжан, покусывая его нижнюю губу. — В Западном пруду распустилось много лotosовых листьев.

Цзи Цинбай не мог говорить — его губы были заняты, но в душе ругал: на какую ещё лодку?! Мы до сих пор не переспали!

Хотя Западный пруд и находился на территории дворца, он был довольно далеко от павильонов. Цзи Цинбай слышал об этом месте ещё по прибытии: говорили, что весной и летом можно кататься на лодках, а на берегу выстраиваются в ряд знатные девицы столицы.

Естественно, император приказал очистить местность.

Вдали виднелись горы, вблизи плескалась вода, ветерок рябил поверхность озера. У причала была привязана лишь одна маленькая лодчонка.

Цзи Цинбай и правда не ожидал, что лодка окажется настолько маленькой — лишь бы двоим улечься. Он, опираясь на руку Тань Чжана, ступил в неё и слегка запаниковал, когда лодка закачалась.

Тапир боится воды, и став человеком, он не избавился от этой привычки. К тому же, изначальная душа Цзи Цинбая — древняя светильня, а светильни тоже боятся воды.

Император взял весло и, к удивлению, довольно ловко управлялся с ним. Цзи Цинбай, держась за борт, смотрел, как весло отталкивается от берега, и по воде расходились круги. Он заворожённо наблюдал, не поднимая головы, как вдруг лицо его коснулся лотосовый лист.

Неизвестно, как росли водные растения в Западном пруду, но листья были высотой в полчеловека. Лодка скрывалась среди них так, что людей не было видно. На стыке весны и лета лотосы были ещё лишь бутонами, неровно выглядывающими из-под листьев, словно застенчивые красавицы.

На середине пути лодка, подгоняемая лёгким озёрным ветерком, медленно покачивалась. Цзи Цинбай, полулежа у борта, уже вернул свой мужской облик. Его мужественные брови сияли под солнечным светом, с них стекали мелкие капли пота.

Поскольку это был редкий выезд, Цзи Цинбай надел женскую кофту, но теперь воротник был расстёгнут, обнажая белоснежные ключицы. Тань Чжан, сидя напротив, долго смотрел на него, а потом внезапно наклонился и придавил его своим весом.

Когда тучи разошлись и дождь прекратился, прошло уже неизвестно сколько времени. Лениво протянув руку, Цзи Цинбай раздвинул лотосовые листья, закрывавшие обзор, но Тань Чжан, переплетя с ним пальцы, снова притянул его к себе.

Лишь на закате лодка вернулась к берегу. Цзи Цинбай, с растрёпанными волосами и одеждой, едва успел превратиться обратно в Цзи Юй.

Издали они заметили, что на причале находился не только Цзэн Дэ.

Императорское одеяние Тань Чжана было в относительном порядке, но при внимательном взгляде можно было заметить некоторые несоответствия. Он, однако, нисколько не смущался тем, что их бесчинства могли увидеть другие, лишь велел Цзэн Дэ подать плащ, чтобы укрыть Цзи Цинбая.

— Прибыл генерал Мин, — тихо доложил Цзэн Дэ Тань Чжану. — Ждёт уже некоторое время.

Услышав «генерал Мин», Цзи Цинбай вздрогнул. Он посмотрел вперёд и наконец разглядел того во весь рост.

В золотисто-красных доспехах, с развевающимся серебристым плащом, прибывший не преклонил колена, а лишь склонил голову в поклоне и громко произнёс:

— Ваш подданный Мин Хуань приветствует Ваше Величество.

Простым смертным трудно разглядеть в бессмертных, демонах, оборотнях и призраках что-либо особенное: глаза как глаза, нос как нос, тысячелетние превращения в человека, если только они не бессмертны, обычные люди, естественно, ничего не заметят.

Годы и сезоны сменяют друг друга, цветы и снега проходят бесчисленные циклы, горы могут сравняться с землёй, озёра и реки — исчезнуть, но для смертных причинно-следственные связи и кармические долги не стоят упоминания.

Увидев издалека Мин Хуаня, Цзи Цинбай понял, что тот определённо не человек.

Но и не божество.

Что же он такое на самом деле, Цзи Цинбай, сделав два жеста, обнаружил, что не может постичь.

В конце концов, лицо Цзи Цинбая постепенно исказилось. Он достиг уровня Верховного бога, верховного владыки шести миров. Если даже он не мог разглядеть истинную сущность, значит, уровень и сила того, кто выше его, должны быть ещё более возвышенными.

В этой жизни судьба Тань Чжана уже неразрывно переплелась с судьбой Цзи Цинбая, и чтобы сохранить её, пришлось пожертвовать одним уровнем. А теперь ещё появился этот непостижимый Мин Хуань. Цзи Цинбай почувствовал, как сердце его сжалось от горечи. Рядом Цзэн Дэ закричал тонким, пронзительным голосом:

— Государыня! Государыня! Не пугайте своего слугу, государыня!

Тань Чжан в два шага подскочил к ним, развевая полы одеяния, подхватил обмякшее тело Цзи Юй. Лу Чаншэн находился неподалёку, и Цзэн Дэ поспешил позвать его. Мин Хуань отошёл в сторону, его лицо оставалось бесстрастным, а взгляд спокойно скользил за суетящимися слугами, пока не остановился на женщине в объятиях императора.

При ярком свете дня тело Цзи Юй казалось особенно хрупким и жалким. Мин Хуань, видя, как она прикрывает лицо рукавом императора, усмехнулся с неясным смыслом. Лу Чаншэн подбежал сзади — под давлением последних событий он ещё растолстел и, бежав в придворном одеянии, тяжело дышал.

Лицо Тань Чжана было холодным, как железо, и он смотрел на лекаря взглядом, будто видел перед собой мёртвеца. Лу Чаншэн то подносил лекарство, то делал иглоукалывание, то щипал Цзи Цинбая в носогубную складку, пока тот наконец не пришёл в себя.

Видя выражение лица императора, Цзи Цинбай испугался, что тот неправильно поймёт, и, сжав его руку, тихо сказал:

— Это не из-за Вашего Величества...

К сожалению, Лу Чаншэн не стал его покрывать и с серьёзным видом заявил:

— Здоровье государыни хрупко, Ваше Величество, вы должны сдерживать себя в супружеских утехах. Под открытым небом легко простудиться и замерзнуть, это не шутка.

Цзи Цинбай... Всё, теперь всем стало ясно, чем они только что занимались.

Тань Чжан нахмурился, что было для него редкостью, и, не проронив ни слова, внимательно

выслушал. Он протянул руку, погладил Цзи Цинбая по щеке и, видя его слабость и хрупкость, впервые почувствовал оттенок сожаления.

<http://bllate.org/book/15582/1387595>